

* ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ МИХАИЛА ШОЛОХОВА.

* Дружба с художни- ками. * Новый фильм.

— КАКУЮ роль сыграли произведения Шолохова в вашей творческой жизни? — с таким вопросом мы обратились к композитору Ивану Дзержинскому.

— Я написал три оперы, — ответил Дзержинский. — Все они навеяны сочинениями Шолохова.

Первая моя опера «Тихий Дон». Она создавалась по первой части этого литературного произведения. Моему брату — либреттисту и мне пришлось самим придумать конец, т. к. мы не знали, когда выйдут остальные части романа и как его автор решит финал.

У нас в опере Григорий Мелехов — казак, прошедший сложный и противоречивый путь жизни, борьбы на стороне контрреволюции, — уходил в Красную Армию. Его любимая — Аксинья в опере представляла незамужней, свободной женщиной. От многих замечательных эпизодов романа нам пришлось отказаться. Поэтому я очень волновался перед встречей с Шолоховым — не знал, как он отнесется к «вольностям» либретто.

М. А. Шолохов сказал: «Роман — мой, опера — твой. Понятно, что ты многое изменил. Лишь бы было правдиво». С этого началась наша многолетняя дружба.

«Поднятая целина» — роман, за который М. А. Шолохову присуждена Ленинская премия, послужил основой моей второй оперы, поставленной в канун 20-летия Советской власти — в 1937 году. Опера была написана по первой части романа, вышедшей в начале тридцатых годов.

Как и в случае с «Тихим Доном», едва вышла книга «Поднятой целины» — она захватила меня. Образы коммунистов Давыдова, приехавшего из Ленинграда помогать создавать колхозы на Дону, местных донских казаков Нагульнова и Разметнова, Лушки — смелой, красивой, этаким Кармен из хутора Гремячий Лог — привлекали своей правдой, сочно-

стью, силой характеров. Эти образы «звучали» во мне, описания донских степей казались готовыми симфоническими картинами.

В книге поражало знание жизни и чисто шолоховская вера в нее. Это был оптимизм художника и философа, который верит в жизнь, в будущее не потому, что все кажется ему простым, легким, а именно потому, что он понимает — рядом с тяж-

ким, уродливым куда больше прекрасного, сильного, светлого.

Оптимизм Шолохова заразителен. Все описанное им влекло к себе неудержимо. С большой радостью воспользовался я приглашением Михаила Александровича и поехал к нему в Вешенскую. Расположенная в 180 километрах от железной дороги станица, ее окрестности полны прототипами шолоховских романов. Казаки так и говорят: «Вот здесь живет Григорий Мелехов из «Тихого Дона», вот там — Лушка, там — словоохотливый, трогательный и смешной дед Щукарь».

Люди, живущие рядом с Шолоховым, узнают себя в его романах. В то же время герои произведения — не сколок с натуры, а образы художественные, обобщенные. Это и помогло и ко многому обязывало при создании опер на шолоховские темы.

Конечно, сейчас, когда писатель завершил «Поднятую целину», я бы, наверно, совсем по-иному написал и оперу. В частности, ведь именно во второй части ро-

мана появилась девушка Варя — любовь Давыдова. А как бы эта лирическая линия чудесно прозвучала в музыке!

Сочиняя оперу по первой книге «Поднятой целины», я сосредоточил свое внимание на образах коммунистов — Давыдова и Нагульнова, на драматических событиях, связанных с созданием первых колхозов в казачьих станицах.

Третья моя опера «Судьба человека» уже принята к постановке в Большом театре СССР и театре имени Станиславского и Немировича-Данченко в Москве.

Судьба солдата — судьба одного из миллионов советских людей, отстоявших Отчизну от фашизма, — изображена Шолоховым с суровостью и глубокой человечностью. Стиль произведения заставил искать новую форму оперного произведения, отличную от академической. Требовалось лаконично и выразительно, как и у Шолохова, передать напряженность быстро развивающегося сюжета, смену мест действия, характеры героев.

Так возникла идея создания образа Андрея Соколова, как главного действующего лица и как рассказчика.

— Я сохранил почти весь текст рассказа. Подлинное слово Шолохова зазвучало в музыке, — сказал в заключение композитор Иван Дзержинский.

А. ИЛУПИНА.